

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of Philosophy

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Научная статья
УДК 329.15(510)КПК(091)"19/20"(0.025.2)
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>

Философские науки

Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина

Андрей Владимирович Виноградов^{1,2}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
vinogradov-a.v@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. После избрания Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК (2012 г.) в Китае начался новый этап преобразований, по масштабам и глубине не уступающих реформам Дэн Сяопина, а по своему влиянию на общественное развитие и международному значению, вероятно, способных их превзойти. С момента образования КПК развивалась в процессе учебы у Запада, китаизации марксизма, адаптации его к решению стоящих перед Китаем задач. В начале XXI в. Китай вышел на новый уровень социально-экономического развития и одним из первых в мире столкнулся с вызовами новой эпохи. Опыт решения им новых проблем стал результатом использования цивилизационной идентичности, которую он сумел сохранить, и политической власти компартии, преемницы марксистской традиции.

Ключевые слова: Асоциализм с китайской спецификой новой эпохи, Си Цзиньпин, КПК, теория Дэн Сяопина, китаизация марксизма

Для цитирования: Виноградов А. В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина. *Ориенталистика*. 2022;5(4):944–960. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>

Philology studies

Marxism, the CCP and the new era of Xi Jinping

Andrey V. Vinogradov^{1,2}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vinogradov-a.v@mail.ru

² RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. After the election of Xi Jinping as the General Secretary of the CPC Central Committee (2012), a new stage of transformation began in China, in scale and depth not inferior to the reforms of Deng Xiaoping, in its influence on social development

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

and international significance, probably capable of surpassing them. Since its formation, the CPC has developed in the process of studying from the West, Sinicizing Marxism, adapting it to solving the tasks facing China. At the beginning of the 21st century China has reached a new level of socio-economic development and is one of the first nation in the world to face the challenges of a new era. Its experience of solving new problems is the result of using the civilizational identity that he managed to preserve, and the political power of the Communist Party, the successor of the Marxist tradition.

Keywords: Socialism with the Chinese characteristics of the new era, Xi Jinping, the CPC, Deng Xiaoping's theory, the Sinification of Marxism

For citation: Vinogradov A. V. Marxism, the CCP and the new era of Xi Jinping. *Orientalistica*. 2022;5(4):944–960. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-944-960>.

Введение

Долгое время реформы в Китае было принято рассматривать преимущественно через призму экономических преобразований, которые сделали Китай экономической сверхдержавой. Это справедливо, как минимум по двум причинам. Во-первых, кризис китайской цивилизации ярче всего проявился в экономической отсталости. Цинский Китай безнадежно уступал вырвавшемуся вперед Западу. Преодоление отсталости стало важным фактором завершения этого периода китайской истории. Во-вторых, в современном мире развитая экономика – это основа независимой внешней политики и фундамент успешного исторического развития. Рост экономики создал объективные предпосылки для превращения Китая в самостоятельного политического и исторического субъекта и полюс притяжения.

На самом деле решения 3-го пленума ЦК КПК (1978) положили начало не только экономическим реформам, но и глубокой трансформации всего китайского государства и общества, а результатом стало появление новой модели общественного развития. Вывод Си Цзиньпина на 100-летию КПК, что в Китае создан новый тип человеческой цивилизации, указывает не только на глубину преобразований, но и на длительность начавшегося этапа развития.

Марксизм в истории китайской цивилизации

На высшем государственном уровне указаний о связи социализма с историей цивилизации не появлялось с конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда в СССР на XXII съезде КПСС (1961) была принята Программа строительства коммунизма, провозгласившая практический переход к построению нового общества. В то время аналогичные цели провозглашались и в КНР.

Коммунистическая общественно-экономическая формация, как известно, имеет две фазы: социалистическую и коммунистическую. В основе их отличий лежат экономические критерии, выражающие ту тенденцию

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

исторического развития, которая преобладала на момент формирования марксистской теории. Эти отличия были сформулированы в двух экономически детерминированных принципах социальной справедливости – «от каждого по способностям, каждому по труду» и «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Другие отличия подробно не рассматривались. Как научная теория марксизм не мог обоснованно судить о конкретных чертах весьма отдаленного будущего. Но именно смена социализма, еще не расставшегося с родимыми пятнами капитализма, коммунизмом означала переход от нового общественного строя к новому типу цивилизации. Сейчас человечество подошло к этапу, когда цифровизация, искусственный интеллект, четвертый энергетический переход, шестой технологический уклад, защита окружающей среды и другие изменения создали предпосылки для нового типа общественного развития и общественных отношений. После периода упадка в социалистическом движении и «конца истории» идея альтернативности исторического развития вновь возрождается, и связана она с Китаем и КПК.

Общественно-политические теории гораздо чаще служат для объяснения, чем для практического руководства общественным развитием, очень немногие из них смогли изменить мир. Одним из них, наряду с мировыми религиями, стал научный социализм. На сегодняшний день он остается самым молодым мировым учением и в отличие от всех предыдущих имеет научный, а не религиозный характер, обладает способностью к постоянному обновлению и развитию, в том числе в различных цивилизационных ареалах и исторических эпохах.

Предыдущая волна возникновения мировых учений прошла в «осевое время», которое характеризовалось переходом наиболее развитых центров цивилизации в новое состояние. Осуществили этот переход локальные цивилизации, каждая из них выработала свою общественно-политическую доктрину, ставшую на тысячелетия основой их существования.

Марксизм появился как критическая теория и стал развиваться как теория социального действия. Деятельностный характер стал главной родовой чертой марксистской школы общественной мысли. Его появление неразрывно связано с качественными изменениями в Европе. Общецивилизационный характер изменений, которые нашли отражение в марксизме, стал причиной его широкого распространения и влияния вслед за распространением промышленного производства. Перед материальным превосходством Европы не смогли устоять другие цивилизации, среди которых китайская занимала особое, вероятно, самое высокое место как по древности, так и по уровню развития. Но главное – она превосходила все остальные цивилизации по стабильности собственного воспроизводства.

Китай первым выяснил, что в широком историческом контексте превосходством обладают не те общества, которые владеют наивысшими достижениями в материальной культуре, а те, которые лучше организованы. Стабильность ценнее, чем уровень развития в каждый данный момент времени. Историческое преимущество, таким образом, получает не тот, кто выбился вперед, а тот, кто прилагает основные усилия, чтобы сохранить себя и тем самым получить возможность перейти на следующую ступень, где накопленный уникальный набор характеристик способен отвечать на новые вызовы и превратиться в конкурентное преимущество. Длительность существования

и толщина культурного слоя, таким образом, сами по себе становятся преимуществом. Достигнутая в рамках этой стратегии феноменальная жизнеспособность давала китайской цивилизации возможность бесконечного совершенствования, которое стало для нее синонимом развития.

Основанное на моральном авторитете общественное устройство обеспечивало высокую стабильность цивилизации, в отличие от христианской Европы, стремившейся к постоянным преобразованиям, но препятствовало поступательному развитию. Именно поэтому в Средневековье Марко Поло писал о превосходстве китайского государства, а через 6 столетий уже в Новое время Г. Гегель – об отсутствии в Китае истории, подразумевая осязаемые политические изменения и изменения вообще. Главным носителем цивилизационной идентичности в Китае были государственные чиновники. Они обеспечивали беспрецедентную длительность китайской цивилизации, которая, таким образом, была политически и культурно детерминирована.

Сильная идентичность позволяла Китаю успешно бороться с иномезными вторжениями, но оказалась бессильна перед теми, кто научился использовать перемены и вышел на другой технологический уровень. Китай впервые в своей истории столкнулся с принципиально иной моделью бытия, быть может, не более совершенной и сложной, но, несомненно, более действенной и эффективной. Он не мог победить Запад, но мог у него учиться. Альтернативы не было.

В тот же исторический момент на Западе произошел внутренний раскол. Марксизм вскрыл главные недостатки и противоречия капиталистического общества и тем самым показал альтернативу капиталистической вестернизации за пределами западного мира. Если в Европе марксизм имел прежде всего политическое значение, предлагал иную социально-экономическую и политическую программу развития, то для остального мира он приобрел еще и цивилизационное значение. Это значение марксизма ощущалось тем сильнее, чем более развитой была локальная цивилизация, в которой он укоренялся. Одновременно он выполнял свою главную историческую миссию – раскрывал закономерности сформировавшегося в Европе индустриального типа развития с высокими темпами роста, сменившего традиционное общество, основанное на приоритете духовных ценностей.

Стратегическая цель Китая заключалась в том, чтобы овладеть законами материалистической цивилизации, сохранив идентичность. Тогда это выглядело трудно выполнимой задачей. Только критический характер марксизма в отношении капиталистической действительности мог распахнуть двери Западу. Выступая противником капитализма, марксизм оказался естественным союзником Китая. Первые китайские марксисты выросли из движения за возрождение Китая. Существенную роль в широком распространении марксизма сыграло и то, что китайскому пролетариату противостоял в первую очередь иностранный капитал. Марксизм стал не только учением о социальном освобождении, но и политическим инструментом мобилизации национальной традиции. Его преимущество перед другими политическими учениями состояло в том, что, вскрывая безнравственность капиталистического Запада, он косвенно подтверждал превосходство Китая в самой важной для него области, способствуя сохранению традиций и идентичности.

В необходимости преодолеть инерцию за счет привлечения внешних факторов и притом сохранить собственную культуру заключалась основная

проблема развития Китая первой половины XX в. Осуществить синтез двух типов цивилизаций – традиционной, духовной и современной, материалистической – и сохранить свою идентичность было новаторской задачей. Этим объясняется сложный путь, который прошла китайская компартия за первые 60 лет существования.

Современный Китай невозможно понять без марксизма, истории социалистического учения и практики социалистического строительства. Одновременно он остается продолжателем китайской цивилизации. В этом взаимодействии на протяжении XX в. марксизм выступал активным началом.

Китаизированный марксизм

Наиболее важным заимствованием из марксизма для китайской политической культуры стала теоретическая деятельность – создание научной теории и использование ее на практике. В 1938 г. Мао Цзэдун заявил о необходимости китаизации марксизма – соединении марксизма с китайской действительностью, а не просто учебе и повторении. В первую очередь, это касалось особенностей социальной структуры китайского общества, в котором классовые антагонизмы не доминируют и не подчиняют другие общественные отношения. Мао Цзэдун создал теорию «новой демократии», формой этого государства провозглашалась диктатура пролетариата, которая была орудием борьбы не столько с классом эксплуататоров, сколько со старой культурой, которая мешала движению вперед. Главной задачей было завоевание политической власти. Мао Цзэдун взял из марксизма то, что было нужно Китаю в тот момент – учение о революции и учение о партии. Экономическая теория марксизма тогда не была востребована в Китае. Внимание к отдельным аспектам марксистской теории позволяло не распылять силы, хотя и вело к несбалансированности и эклектичности.

С образования КНР началась новая эпоха и второй цикл учебы у Запада. После 1949 г. КПК считала, что новодемократическое общество будет существовать от 30 до 50 лет. Однако отсутствие теории социалистических преобразований в большой восточной стране подталкивало к прямому заимствованию в тех сферах, где собственного опыта и знаний было недостаточно. На первом после образования КНР 8-м съезде (1956) КПК встала на советский путь развития, провозгласив целью экономический рост. Основным противоречием социалистического строительства в Китае было признано противоречие между передовым общественным строем и отсталыми производительными силами, а целью – удовлетворение материальных и культурных потребностей народа.

Решения последовавших вскоре XX съезда КПСС (1956) и Совещания коммунистических и рабочих партий (1957) ниспровергли авторитеты и сняли ограничения на самостоятельный поиск – стало возможно не следовать готовой теории, а на практике доказать превосходство социализма. Поставив тогда цель обогнать Великобританию, КПК впервые отождествила идею социалистического строительства с идеей возрождения Китая, восстановления его места на международной арене.

Ленинизм, объединивший европейский марксизм с российской действительностью, подразумевал процесс национального освоения марксистской теории в типологически близкой культурно-цивилизационной среде.

Китайская реальность явно не вписывалась в рамки европейской теории. Но и цельной концепции, способной заменить марксизм, в Китае тоже не было. Неспособность дать научное описание китайской действительности породила мощное противоречие в идейно-теоретической доктрине КПК, которая первые 30 лет после образования КНР пыталась применять доказавшие свою эффективность политические инструменты преобразования действительности, часто неуместные в экономическом строительстве. Их широкому использованию способствовала государствоцентристская парадигма цивилизационного развития, в которой экономические закономерности играли существенно меньшую роль, чем принципы традиционной социальной организации. Из этих представлений выросли ускоренная коллективизация – «народные коммуны», ускоренная индустриализация – «большой скачок», а потом и «культурная революция» как реакция на разочарование в экономической теории и попытка найти ответ на существующие проблемы в политических средствах (классовая борьба вновь была провозглашена основным противоречием социализма) и в национальной культурной традиции. Китай фактически вернулся к государствоцентристской модели. Найти формы сочетания марксистской социально-экономической теории и национальной культурной традиции на том этапе не удалось. Но было сделано главное. Первое поколение китайских коммунистов внесло решающий вклад в поиск путей преодоления цивилизационного кризиса – они обогатили методологический аппарат китайской истории, сделали революцию частью политической культуры и практики Китая, нашли способ преодолеть инерцию тысячелетнего китайского государства, разорвали цикличность китайской истории и указали направление дальнейшего движения.

Теория строительства социализма с китайской спецификой

Вопрос о месте марксизма в идейно-теоретической доктрине КПК вновь встал с началом реформ. Но главные надежды второе поколение китайских руководителей возложило на практику. Перед ними стояла другая задача – не захватить власть, а показать умение ею пользоваться, построить развитую экономику и поднять уровень жизни. В поисках эффективной модели развития КПК сделала шаг назад к марксистскому объяснению своих особенностей, которое не изменилось с 1950-х гг.: Китай не созрел для строительства социализма, но уже перепрыгнул капитализм, ему нужен особый период, когда будут действовать свои закономерности, будут допустимы капиталистические методы организации производства и распределения.

Из этого был сделан вывод, что КНР находится «на начальном этапе социализма», главной задачей которого стало экономическое развитие. Методы могут быть самыми разными, а отступление от марксистских положений – более не преступление, а историческая необходимость, обусловленная данной стадией социально-экономического развития. Внимание к решению текущих задач позволило ввести промежуточные ориентиры развития. Важнейшей чертой теории Дэн Сяопина стало выдвигание нового идеала – общества «сяокан» (малого благоденствия). Понизив уровень и приблизив его к реальности, КПК повысила вероятность его достижения.

На XII съезде (1982) было восстановлено основное противоречие социализма – между постоянно растущими материальными и духовными

потребностями народа и отсталым общественным производством. Наступил этап экономического детерминизма. В 1978–2008 гг. за счет экономического роста решались все социальные и экономические проблемы.

Начиная с «опиумных войн», все циклы китайских реформ были тесно связаны с внешним миром. Открытость предшествовала и реформам Дэн Сяопина. Китай стал активно открываться с 1978 г. еще до 3-го пленума ЦК, но, в отличие от середины XIX в., самостоятельно, и с тех пор не терял инициативу. В 1982 г. был сделан вывод, что мир и развитие – это главные тенденции современности, а запрет в годы «культурной революции» на западные товары, инвестиции, технологии и экономическое сотрудничество противоречит историко-материалистической теории и отменяется.

Теория «строительства социализма с китайской спецификой» выполняла еще одну важную функцию – адаптировала общественный строй к условиям, когда в капиталистическом обществе вновь обнаружился потенциал жизненных сил. Китайские руководители чутко уловили изменения во внешнем мире и еще энергичнее возобновили учебу, сняв ради этого большинство идеологических барьеров.

На открытии XII съезда КПК Дэн Сяопин сформулировал главный принцип реформ: «Слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило... Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой» [1, с. 5–6] Призвав отказаться от слепого подражания, Дэн Сяопин продолжил курс на китаизацию. Тогда, вскоре после завершения «культурной революции», трудно было представить, что КПК отважится на следующий шаг – разрешит развитие частной собственности, распределение не по труду, создание рыночной экономики, а затем и политически легализует представителей предпринимательского класса [2]. Все это прямо противоречило традиционным представлениям о социализме. Однако марксистская теория никогда не становилась непреодолимым препятствием для национального развития. Это в равной степени относится ко всем китайским руководителям. Указание на национальную специфику позволило со временем институционализировать эффективную экономическую модель, реализовать главную конкурентное преимущество и выработать формулу китайского экономического чуда – дешевая рабочая сила, внешние технологии, капиталы, природные ресурсы и рынки.

Опора на практику и эксперимент, игравших ключевую роль в реформах, радикальным образом меняла представления о социализме, но приближала Китай к преодолению отставания от развитых стран. Указание на национальную специфику, таким образом, открывало возможность выбора собственного пути, траектория которого еще не была определена, но уже формировалась под влиянием собственной идейно-теоретической доктрины, сохранявшей марксистский категориальный аппарат, но допускаящей свои этапы и ценностные ориентиры. Заслуга китайских реформаторов 1980–1990-х гг. состоит в том, что они вышли за рамки марксистской теории начала XX в., не порвав с ней окончательно, сохранили и свою идеологическую принадлежность, и национальную идентичность, а, значит, сохранили возможности для их дальнейшего синтеза.

Взгляды Дэн Сяопина оформились в единую научную систему только в 1992 г., когда изменения в экономике, внутренней и внешней политике

были приведены в соответствие друг с другом. Центральным элементом новой общественно-экономической конструкции стало положение о социалистической рыночной экономике.

После поражения социализма в Восточной Европе и распада СССР представления КПК об экономической и социально-политической системе китайского общества существенно повысили свой теоретический статус. До этого китайская концепция была лишь частью большой теории. Оставшись в одиночестве, Китай автоматически стал первым. Прежние ограничения, в т.ч. теоретические, исчезли, одновременно появились новые вызовы и возможности. Исчезновение социализма в Европе многократно усилило цивилизационное значение китайского опыта, подчеркнуло его своеобразие и отличие от западных моделей. В результате противостояние капитализма и социализма трансформировалось из межформационного в межцивилизационное.

Еще в XX в. западные востоковеды сделали вывод, что развитие человечества не линейно, переход от одной фазы к другой не бывает унифицированным и поступательным, а может быть многовариантным, характеризуется длительным сосуществованием и взаимовыгодным взаимодействием различных экономических укладов, характерных для разных исторических эпох. Эти положения, однако, не нашли отражения в официальных идейно-теоретических документах компартий и оставили без ответа целый ряд вопросов, которые частично уже были решены на практике, но не получили концептуального объяснения.

Во-первых, теория истории использует высоко абстрактные понятия, оторванные от конкретных условий, и существенно упрощает исторический процесс, что требует наполнения теоретических схем практическим опытом как можно большего числа стран, их обобщения и концептуализации среднего уровня.

Во-вторых, классовая специфика восточных обществ, которая препятствовала формированию частной собственности, разделению власти и собственности, зарождению капитализма, прямо предполагала, что и социалистическая революция в европейском варианте здесь будет невозможна.

В-третьих, опыт древних цивилизаций говорил не только о возможности развития, но и о возможности заката и гибели: у человечества нет гарантий восходящего движения. Более того, принцип «восходящего» развития не объясняет циклического развития большинства цивилизаций.

В-четвертых, история знает примеры гибели развитых цивилизаций при сохранении и развитии менее развитых, что ставит вопрос об уточнении критериев исторического прогресса. Способность адаптироваться к изменениям, находить ответы на вызовы среды и сохраниться в истории может быть важнее уровня технического развития и других признанных критериев современной цивилизации.

Следствием теоретической неполноты стал целый ряд упущений и ошибок, в том числе в историческом развитии социализма. Так, сегодня с учетом всех этих обстоятельств политика НЭПа в России выглядит целостной альтернативой классическим представлениям о социалистическом строе, не переходным этапом, решавшим чисто буржуазные задачи индустриализации, урбанизации, культурной революции, а самостоятельным типом развития,

сочетавшим план и рынок, конкуренцию и государственный распределительный механизм и т. д. Однако в 1920–1930-е гг. в условиях международной изоляции выйти из признанной теоретической схемы и пойти дальше СССР не смог. Не удалось это сделать и после войны, мировая система социализма вступила в общий кризис, не смогла его преодолеть и прекратила существование.

В Китае в процессе достижения целей «начального этапа социализма» складывалась целостная и в силу практического, а не доктринального характера преобразований совершенно своеобразная картина общественного строя, включавшая план и рынок, многоукладность, создание специальных экономических зон, систему «одно государство – два строя» и т. д. [3]. КПК ввела понятие *сяокан* в качестве ближайшей цели и зафиксировала все эти новации в теории «социализма с китайской спецификой». Западные ученые называли это «сочетанием несочетаемого», однако на практике данная модель доказала свою эффективность и стала достраиваться новыми элементами.

Совершенствование теории строительства социализма с китайской спецификой

На протяжении всей новейшей истории Китай должен был догонять и учиться. Для этого приходилось выбирать между сохранением идентичности, которая препятствовала изменениям, и необходимостью принять перемены и изменить себя. Это была мучительная и трудная задача. С началом глобализации внешний мир взял на себя значительную часть бремени по решению этой проблемы, втянув Китай в мировую экономику. Экономическая отсталость превратилась в конкурентное преимущество. Дешевая рабочая сила и политическая стабильность сделали Китай желанным участником мировых экономических процессов.

Из государства, где политика руководит экономикой, Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Роль бизнеса значительно выросла. Как только целью развития были признаны не социальная справедливость и равенство, а экономический рост и совокупная мощь государства, исчезли основания для политической дискриминации предпринимательского класса. [4] Выдвижение Цзян Цзэминем идеи «тройного представительства» (передовых производительных сил, передовой китайской культуры и коренных интересов самых широких слоев населения) стало существенным уточнением идейно-теоретической доктрины КПК. Эти процессы совпали с выработкой, а с 1997 г. – с практической реализацией концепции «одно государство – два строя», допускавшей существование в одном государстве разных общественных систем и пересматривающей представления о государстве диктатуры пролетариата и о современном государстве вообще.

Во многом решающим для процесса дальнейшей китаизации теории социализма стал 17 съезд КПК (2007), когда из формулировки «строительство социализма с китайской спецификой» был убран предлог «с» (*you*) и общественный строй в Китае получил новое название «специфически китайский социализм». Тогда же была предпринята попытка зафиксировать соответствующий социальный идеал – «социалистическое гармоничное общество». В Китае стала формироваться новая теория со своей целью – «гармоничное» общество, со своей методологией – экспериментом и институализацией успешной практики, своими категориями «социалистическая рыночная

экономика», «тройное представительство», «совокупная государственная мощь» и др., наконец, со своим названием – «научная концепция развития». Теоретическая доктрина КПК балансировала на грани новой концептуализации, преемственной марксизму, но с явным потенциалом собственного объяснения мира и задач, которые стояли перед Китаем. Однако предложенная теоретическая новация, дав импульс научным дискуссиям, осталась структурно неполной, в ней отсутствовало указание на характер развития китайского общества, не формулировалось новое основное противоречие, она не была подкреплена политической волей руководства. И для этого были причины.

Ориентированная на экспорт экономическая модель приближалась к естественному пределу своих возможностей, вслед за этим пропадало главное преимущество Китая на внешней арене. Экономический детерминизм марксизма требовал преодолеть отсталость, превзойти передовые державы по уровню экономического развития и выйти в авангард исторического процесса. Китай успел решить только первую задачу – преодолеть бедность. Переход к решению следующей выглядел в сложившихся условиях невыполнимым. Все основные факторы китайской социально-экономической модели были исчерпаны: избыточная и дешевая рабочая сила заканчивалась, конкуренция на внешних рынках повышалась, росло «сдерживание» Китая на внешней арене. В условиях неизбежного перехода к «новой нормальности» перспективы соревнования с развитыми странами в сфере экономики не выглядели оптимистично. В середине 2000-х гг. стал нарастать конфликт между успешным решением основного противоречия социализма и негативными последствиями ориентированной на его решение рыночной экономики: растущим расслоением, обострением социальных противоречий и региональными разрывами. Новации, которые провозгласил Ху Цзиньтао, должны были ликвидировать негативные последствия этой модели. Вместе с тем, она по-прежнему приносила ощутимые экономические выгоды. За 10 лет (2002–2012) КНР сумела перейти с шестого на второе место по объему ВВП и восстановить статус Китая как великой мировой державы. В практическом плане для руководства компартии вопрос заключался в следующем: либо начать структурную перестройку и сознательно пойти на существенное снижение темпов, либо продолжить политику поддержания высоких темпов, решая тем самым главные стратегические задачи – повышение уровня экономического развития, уровня жизни населения и совокупной государственной мощи [4].

Успешное преодоление кризиса 2008 г. показало, что Китай стал не просто частью современного мира, а одной из его наиболее эффективных частей; это парадоксальным образом означало, что высокий потенциал соединения китайского с западным тоже подходит к концу. И одновременно свидетельствовало, что мир вступил в новую эпоху, где у западной социально-экономической модели уже нет очевидных преимуществ, хотя и сохраняются экономическая и военная мощь.

Возможно, еще существеннее было то, что сама модель индустриальной экономики обнаружила глубокие изъяны. Нужны были новые ориентиры, отражающие и уровень достигнутого, и перспективы развития. Кризис европейского социализма, а затем и капиталистической модели создали окно возможностей для стран не-Запада. Китай дальше других продвинулся

в формировании собственной модели и ее теоретическом описании, лучше других был подготовлен к тому, чтобы этим воспользоваться. У него впервые появился шанс стать лидером по новым критериям, контуры которых уже намечались, но еще не были сформулированы и теоретически обоснованы.

В целом, следует признать, что руководство КПК во главе с Ху Цзиньтао попыталось всесторонне осмыслить результаты реформ, уточнить социальный идеал, исправить негативные социальные последствия преобразований, нарушения принципов социальной справедливости, следствием которых стал рост коррупции, экологических проблем и т. д. Провозгласив целью гармоничное общество и определив средства его достижения, руководство КПК примеривалось к завершению большого исторического цикла в развитии социалистической идеи в Китае, но тогда его не осуществило.

Следующему поколению досталась задача сменить модель, но совершить это в условиях ослабления конкурентных преимуществ, ухудшения мировой экономической конъюнктуры, снижения темпов, обострения социальных проблем и внутренних противоречий. Смена руководства в 2012 г. отражала назревшую потребность в смене модели развития, которая по аналогии с предыдущим периодом формирования рыночного социализма могла занять период, заметно превышающий 10 лет, потребовать политических волевых решений и усиления роли государства [4].

«Новая эпоха» Си Цзиньпина

В начале XXI века в мире произошли крупные изменения, и нужно было уже не догонять, а самому, очень часто впервые, искать ответы на новые вызовы. Набрав скорость еще в старом, доглобальном мире, в конце XX в. Китай вырвался на авансцену мировой истории и первым столкнулся с общецивилизационными вызовами, которые требовали не учиться и подстраивать свою идентичность под сложившуюся реальность, а искать и использовать собственные конкурентные преимущества, полагаться на идентичность и традиции, которые в новых условиях перестают быть препятствием и становятся источником развития. Победу в этом раунде одержит тот, кто первым найдет ответы на новые вызовы. Так произошло в Новое время в Западной Европе, совершившей промышленную революцию.

До начала второго десятилетия XXI в. китайская теория социализма была локальной. КПК китаизировала марксизм для решения своих проблем, а затем на его основе создала теорию «строительства социализма с китайской спецификой», выработав, таким образом, собственную методологию общественно-исторического развития – «использовать западное на службу китайскому». Теперь, очевидно, пришло время сосредоточиться на первой части высказывания цинского чиновника Чжан Чжидуня «китайское в качестве основы». Оказалось, что формула середины XIX в. была верна, но следовать ей нужно было не параллельно, а последовательно, ориентируясь на характер эпохи и свое место в эшелоне развития.

С момента образования КПК китайские коммунисты искали теоретическое обоснование стоявших перед ними исторических задач. Сначала это были поиски теоретического обоснования новодемократической и социалистической революции, затем строительства социализма в отсталой стране. Одно оставалось неизменным – официальная приверженность основным

положениям и целям марксистской теории и готовность от них отойти в интересах решения практических задач.

Поиск и переход к новой социально-экономической модели потребовал усиления роли государства, вновь оказалась востребована и личная харизма, и высокая персональная ответственность. XVIII съезд КПК (2012) не мог выдвинуть новую концепцию, перед ним стояла другая задача – обеспечить смену руководства.

Следующий 19-й съезд (2017) по значению можно поставить в один ряд с поворотными для Китая 7-м и 12-м съездами КПК. Главная задача двух первых состояла в сокращении сферы всеобщности и усилении прикладного характера теории. Теория Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи продолжила традицию китаизации марксистской теории и практического решения задач, которые стояли перед Китаем. Но одновременно она должна была предложить собственное решение проблем, которые появились в начале XXI в., и таким образом вернуть себе известную меру всеобщности. Характер теории определила провозглашенная Си Цзиньпином цель – «Великое возрождение китайской нации». Возвращение к идее возрождения стало логическим и символическим завершением столетнего периода развития КПК, начавшегося с «дискуссии об измах», о том, социализм или капитализм может спасти Китай. КПК решила этот вопрос на практике и теперь могла перейти к следующей задаче.

Намеченное в ходе съезда на середину XXI в. завершение социалистической модернизации и выход в число передовых держав отдает дань марксистской традиции и сочетается с новым ориентиром. Сегодня для того, чтобы воплотить китайскую мечту и вернуться в число ведущих держав, не стоит задача догнать США по совокупному объему ВВП и тем более по объему ВВП на душу населения. Критерием Возрождения стала способность самостоятельно отвечать на вызовы эпохи.

Центральной идейно-теоретической новацией 19-го съезда стало положение о вступлении социализма с китайской спецификой в новую эпоху. В марксистско-ленинской традиции любое упоминание о новой эпохе вызывает прямые аналогии с ленинским определением империализма и переходом к эпохе социалистической революции. При смене эпох закономерности меняют свою природу и открывают путь новым. Эта универсальная формула для объяснения всех крупных изменений в теории и практике общественного развития выглядела особенно привлекательной в преддверии 100-летнего юбилея КПК. Она позволяла Китаю, начавшему как ученик, через 100 лет занять ведущее место в мировом развитии.

В официальной историографии КПК марксизм-ленинизм в сочетании с действительностью Китая инициировал два исторических скачка, каждый из которых породил теоретическую новацию. Первый – это «идеи Мао Цзэдуна», которые привели к новодемократической революции и началу строительства социализма. Второй – теория «строительства социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина, определившая экономический рост Китая. Главной целью первого этапа было освобождение и достижение независимости, т. е. решение поставленной еще Сунь Ятсеном задачи «выпрямиться во весь рост». Целью второго – экономическое развитие и построение общества *сяокан* [2]. Сейчас происходит третий скачок, сравнимый по значению

с образованием КПК. Принципиальное отличие нынешнего этапа – в том, что до этого КПК училась и соединяла всеобщие истины с конкретной практикой, а сейчас стоит задача создавать принципиально новое знание.

Впервые с Нового времени научно-технический прогресс понимается не только как инструмент общественного развития. В информатизации, биотехнологиях, искусственном интеллекте, новых средствах массовой коммуникации видно мощное орудие разрушения привычных принципов человеческого общежития и существующего социального порядка – прежде всего, отношений общества и государства. Для появления новой теории, таким образом, созрели все необходимые условия. Во-первых, появились принципиально новые вызовы (социальные последствия цифровизации, экологических проблем и т. д.). Они знаменуют наступление «новой эпохи». Во-вторых, возникло понимание происходящих изменений как исторических вызовов и необходимость искать на них ответы. На праздновании 100-летия КПК Си заявил о небывалых изменениях, которые происходят в мире раз в 100 лет, связав, таким образом, образование КПК и современные задачи. И, наконец, политическая система КНР предполагает поиск таких ответов коммунистической партией [5].

Наступающая эпоха предполагает свое теоретическое обоснование, главным в котором, по марксистской традиции, стало новое основное противоречие, сформулированное на 19-м съезде, – противоречие между постоянно растущими потребностями народа в лучшей жизни и неравномерностью и неполнотой развития. Объявив о такой смене, КПК задала новое направление развития на стратегическую перспективу. В прежний период центральной задачей КПК был экономический рост и повышение уровня жизни. Новое противоречие перенесло центр тяжести работы с экономического строительства на реформирование системы государственной власти, совершенствование социальных отношений и государственного управления. Впервые с 1978 г. центр тяжести работы был перенесен с экономического на партийное и государственное строительство.

Появление новой теоретической платформы КПК – событие исторического значения. С ее принятием уходит старая эпоха – эпоха Дэн Сяопина и построения *сяокан* – и приходит новая «эпоха осуществления китайской мечты о великом возрождении», для которой соединение китайских реалий с марксистской теорией было лишь обязательным начальным этапом.

До последнего времени в Китае было не принято говорить о всемирном значении китайского опыта. Считалось, что уникальность Китая навсегда связана с прошлым. Успех модернизации показал, что выраженная в китайской специфике уникальность сохранилась и даже институализировалась. Оказалось, что глобализация объединила, но не унифицировала мир, в котором вновь существенно повысилось значение идентичности. Китай, конечно, не перестал учиться у окружающего мира, но уже готов к равноправному обмену опытом. Экономическая и политическая китаизация развивающихся стран может стать действенным фактором мирового развития на этапе кризиса глобализации¹.

Все это заставляет относиться к китайским реформам как к формированию принципиально нового общественного строя, соответствующего новой

¹ Об этом уже открыто говорят в Китае, см. например: [6, с. 25].

эпохе и новому технологическому укладу. Это общественный строй, отличный как от западного, так и от традиционного китайского, но преемственный всему историческому наследию Китая – и традиционному, конфуцианскому, и социалистическому [7]. Успешно решая локальные, частные задачи, Китай постепенно занимает место на передовой линии мировой истории, а найденные им решения приобретают общецивилизационное значение.

* * *

Современная китайская модель на фоне экономического и политического кризиса Запада выглядит реальной исторической альтернативой, основанной на численности населения, превосходящего весь западный мир, и на глубокой непрерывной культурной традиции. Эти обстоятельства всегда внушали китайским лидерам уверенность в праве на самостоятельный путь развития, а успехи Китая в последние годы только укрепили их в этом убеждении.

До сих пор в западной науке основной единицей социально-исторического анализа считается национальное государство. Для Китая это единица другого порядка – цивилизация. Цивилизационный характер не просто накладывает отпечаток на современное китайское государство, он составляет его сущность, определяет закономерности развития, методы изучения и возвращает к цивилизационному измерению истории. Действие этих подходов можно проиллюстрировать двумя примерами.

С наиболее распространенной сегодня экономической точки зрения, главная причина успехов китайских реформ в том, что Китай нашел способ превратить свои естественные и ситуационные недостатки в конкурентные преимущества. В начале преобразований большое население, неблагоприятная демографическая структура, слабая материально-техническая база рассматривались как препятствие для социально-экономического роста. Приняв курс на ограничение рождаемости, КПК оставалась в государственноцентричной парадигме развития и рассчитывала сократить избыточное население, чтобы, таким образом, административными мерами способствовать быстрому росту уровня жизни. Однако эффективность такого решения в силу его распределительного, а не производительного характера не могла быть высокой, оно было способно только сгладить остроту проблемы, но не решить ее. Настоящим прорывом стало осознание потенциала особенностей Китая (*гоцин*), использование которых возможно только в новой среде. Политика открытости позволила объединить многочисленную и дешевую рабочую силу с западными технологиями, инвестициями, ресурсами, а затем и рынками, положив начало беспрецедентному экономическому росту. Внутри страны Китай тоже пошел на смелые эксперименты и ради этого пошел на обновление идейно-теоретической платформы КПК в вопросах собственности, распределения и регулирования экономики.

А в чем объяснение успехов Китая с точки зрения теории истории? В том же, в реализации преимуществ, но уже другого порядка – не сравнительных экономических, а исторических, набора уникальных цивилизационных характеристик, принципов социальной организации и опыта управления. Понимание глубокой самобытности отличало всех китайских политиков и государственных деятелей. КПК не стала исключением. Ее главным достоинством по

сравнению с другими политическими силами стало сочетание революционного характера и готовности к радикальному переустройству с признанием цивилизационной идентичности Китая. Этот путь не обошелся без ошибок, но марксистская теория, воплотившая основные императивы XX в., задавала верные ориентиры и не лишала руководство компартии возможности принимать собственные решения, время от времени позволяя раздвигать границы теории, сначала для решения прикладных задач в рамках «китаизации марксизма», а потом все более планомерно включая в нее национальные особенности, что, в конце концов, привело к выдвиганию теории строительства «социализма с китайской спецификой». Следующим шагом стало признание роли цивилизационной идентичности, выразившееся сначала в смене формулировки на «специфически китайский социализм» (2007), а затем в обоснованной конституционными поправками 2018 г. радикальной реформе китайского государства при сохранении сложившейся социально-экономической системы.

Копирование западных схем и моделей, отказ от идентичности велик к потере конкурентных преимуществ и перерождению, в то время как преемственность, сохранение идентичности, наоборот, открывали путь к возрождению. Потенциал цивилизационных отличий раскрывался в способности компенсировать недостатки действующей общественной системы и открывать новые перспективы при возникновении угроз ее существованию. Идентичность, таким образом, играла такую же роль в историческом развитии, что и сравнительные преимущества в глобальной экономике. Сейчас Китай одним из первых уловил начавшуюся смену исторических эпох и начал поиск приоритетов развития и направлений преобразований.

Литература

1. Дэн Сяопин. *Основные вопросы современного Китая*. М.: Политиздат; 1988. 259 с.
2. Виноградов А. В. 19-й съезд КПК: Великий поход к возрождению. *Проблемы Дальнего Востока*. 2018;46(1):68–80.
3. К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике [Круглый стол в ПДВ]. *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 6. С. 4–41. <https://doi.org/10.31857/S013128120002800-1>.
4. Виноградов А. В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI в. *Сравнительная политика*. 2017;8(3):131–145.
5. 李海青. 习近平新时代中国特色社会主义思想对马克思主义发展的原创性贡献 (Ли Хайцин. *Оригинальный вклад идеи Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи в развитие марксизма*). *党政研究*, 2022 年, 第2期, 第 5–11 页.
6. 魏先法. 克思主义中国化新飞跃的时代逻辑 (Вэй Сяньфа. *Историческая логика нового взлета в китаизации марксизма*). *河北省社会主义学院学报*. 2022 年1 月第1 期, 第 20–27 页.
7. Виноградов А. В., Салицкий А. И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? *Вестник РАН*. 2019;89(2):172–178. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>.

Информация об авторе

Виноградов Андрей Владимирович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, vinogradov-a.v@mail.ru, .

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена рецензентами 20.09.2022; принята к публикации 22.09.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

- 1 Deng Xiaoping. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya (The main issues of modern China)*. Moscow: Politizdat; 1988. (In Russ.).
2. Vinogradov A. V. 19-i s'ezd KPK: Velikij pohod k vozrozhdeniyu (The 19th Congress of Communist Party of China: Long March to Rebirth). *Problemy Dal'nego Vostoka (Problems of the Far East)*. 2018;46(1):68–80. (In Russ.).
3. K 40-letiyu nachala ekonomicheskikh reform v Kitajskoj Narodnoj Respublike Kruglyj stol v PDV (Round table. On the 40th Anniversary of Economic reforms in PRC). *Problemy Dal'nego Vostoka (Problems of the Far East)*. 2018, № 6. P. 4–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120002800-1>.
4. Vinogradov A. V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitayu v nachale 21 v. (Domestic political challenges to China in the early 21st century). *Sravnitel'naya politika (Comparative policy)* 2017;8(3):131–145. (In Russ.).
5. 李海青. 习近平新时代中国特色社会主义思想对马克思主义发展的原创性贡献. [Li Haiqing. The Original Contribution of Xi Jinping's Socialist Thought with Chinese Characteristics to the Development of Marxism in the New Era.] *党政研究*, 2022年第2期,第5-11页. (In Chinese).
6. 魏先法. 克思主义中国化新飞跃的时代逻辑 (Wei Xianfa. The Logic of the Era of a New Leap in the Sincization of Marxism). *河北省社会主义学院学报*. 2022年1月第1期,第20-27页. (In Chinese).

7. Vinogradov A. V. Salickii A. I. *Mozhno li govorit' o formirovanii v Kitae novogo obshchestvennogo stroya? (Can We Talk about the Formation of a New Social System in China?)*. *Vestnik RAN*. 2019;89(2):172–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>.

Information about the author

Andrey V. Vinogradov – Dr. Sci. (Polit), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Professor, RUDN-University, Moscow, Russia, © vinogradov-a.v@mail.ru.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 15.08.2022; approved after peer reviewing 20.09.2022; accepted for publication 22.09.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.